

Родилась в Сибири и полвека прожила в ней. Судьба забросила меня в Старую Руссу — небольшой курортный городок Новгородской области со своими достопримечательностями: словно эхо войны, на каждом шагу напоминания о событиях староруссовского коридора, несколько раз то переходящего в руки фашистов, то вновь освобождавшегося нашими войсками, пока не очистили эту землю от нечисти поганой; грязелечебницы различных направлений занимают значительную часть города; тут и музей Достоевского, где Фёдор Михайлович как будто сегодня предостерегает нас от ошибок повседневности; и люди здесь особенные, в отличие от нас, сибиряков, бесшабашных зачастую, — какие-то спокойные, уравновешенные, все глубоко верующие, соблюдают русские обычаи и праздники, преклоняются перед стариной, много памятников, церквей...

Одним словом, здесь русский дух...

Но живут они, в отличие от нас, гораздо скромнее, я бы сказала — беднее. Да иначе и быть не могло — сама природа их сделала такими: одно слово — новгородское нечерноземье, где глина вперемешку с суглинком, перенасыщенная влагой. Они даже вкуса нашей картошки не знают, так как сажают её в поле длинными рядами, между ними делают глубокие канавы, которые постоянно заполнены водой. Ну и какая там может быть картошка? Просто мыло.

Но, тем не менее, люди живут, и жить можно, если бы не ностальгия.

Ностальгия — это такое чувство, когда в одно мгновение для тебя перестаёт существовать окружающая действительность и ты, невзирая на расстояние в четыре тысячи километров, молниеносно переносишься туда, где всё своё, всё родное, до глубины души такое близкое, что теплее и дороже этого на свете не может быть ничего. И вот такую тоску со мной разделяло ещё одно существо — соловушка.

Появилась она ранней весной и каждое утро на заре прилетала в сад, что роскошно разросся перед окном. Я много раз пыталась увидеть эту пташку, но тщетно. Её покровительственная окраска так сливалась с листвою деревьев, что казалось, никакой птички там нет, а пели сами листья.

Невозможно передать словами пение этой соловушки. Переливы её голоса — это плач души, настолько точно передающий состояние её, что невольно чувствуешь, что она видит и о чём поёт. Вот звук уносится высоко-высоко, и представляешь наше небо, высокое, чистое и такой голубизны, будто вся Вселенная окружена таким цветом. (Разве можно сравнить эти небеса с новгородским небом, всегда серым и тяжело нависающим над тобой?) И тут же звук

высокой октавы сменился шелестом воды родниковой, чистой, холодноватой, еле слышно перекаत्याющейся по камешкам. И он незаметно перешёл в шёпот лёгкого ветерка, нежно коснувшегося моего лица, как бы говоря: «Не грусти! Ты же дома, на родном берегу». И свисающие к воде ивы, конечно, говорят об этом же...

Но другие переливы звуков рисуют иную картину: огромное море тайги... Верхушки деревьев в нём серьёзно беседуют о чём-то своём, а между ними поляна разнотравья. Здесь вместо шумного разговора — спокойное повествование о былом и радостное мечтание о будущем. И волны этого зелёного океана втянули меня быть соучастником происходящего.

Легко дышится. И как-то по-особенному спокойно на сердце от сознания того, что ты в родном краю, но... птица сделала последний аккорд, и пение прекратилось.

Окинула взглядом сад: сливы, груши, яблони украшали его, но моей радости в этом не было. С каким удовольствием я поменяла бы всю эту красоту на свои сибирские родные места! Ведь и соловей пел об этом же, пел, передавая печаль свою так сильно, что всегда была солидарна с ним и, как всегда, сопровождала его плач слезами. А когда заканчивались серенады соловья, наступало какое-то умиротворение, как будто душа становилась чище и светлее.

Пел в саду соловушка там, вдали,
Песенку о счастье и любви,
Пел и память прошлого ворошил,
Много там хорошего пережил,
Вспоминал он радостно о друзьях,
Встречах и свиданиях в прошлых днях,
О том расставании у реки,
И от него мы стали далеки.
И о той берёзоньке, что, любя,
Спрятала на зореньке от дождя,
И туман предутренний на землю пал,
Словно одеялом нас укрывал.
Добрая природа помогала нам,
Мы по жизни плыли, как по волнам.
А в краю далёком всё чужое тут,
И на свиданье друзья не придут.
Вот и льёт печаль свою о судьбе
Милая соловушка на заре.

Случилось как-то две недели отдыхать в Египте, но отдыхом назвать можно было только первую неделю, так как дальше — тоска по Родине. Мы в последние дни считали часы, отделяющие нас от встречи с родными местами. И каждый напевал одну и ту же мелодию:

В Каире был, жевал я финики с тоски,
Они, по мнению моему, горьки,
Они вдали от Родины горьки.

Всё там хуже, чем у нас. Они не имеют даже понятия о нашей сибирской зиме, придающей нам здоровья, о красоте её.

А их солнце! Это же жерло раскалённое, готовое сжечь всё, что подвергнуто его освещению. Не то что наше Ярило.

С утра ласково встаёт,
Своим лучом тебя ласкает,
Теплом в меру согревает,
К закату землю обойдёт,
Спокойной ночи пожелает.

Господи! Как же живут те люди, которых судьба забрасывает вообще за пределы Родины, да ещё и против воли своей? Как можно пережить подобное? Как? Когда земля и небо, вода и воздух, и люди со своими жизненными устоями и законами — всё чужое? Представить себе такое не могу.

Я находилась у себя, в своей стране, только в другой её части, и то с великим трудом пережила эти полтора года, порой казавшиеся мне долголетней ссылкой.